

L4D40

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

УГОЛЬ.БЕЛЫЙ ЦИКЛ

18+

L4D4O L4D4O

Уголь. Белый цикл

<https://litres.ru/74314659>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это чистый арт-хаус в духе черно-белого независимого кино шестидесятых годов прошлого века, это идиллия советской интеллигенции, обуреваемой страстями под бардовские песни, и наконец это начало книги "Уголь".

Примечания автора.

L4D4O — это не один автор. Это голос, который родился из пяти разных миров.

Lado — начало, воля и ритм.

Lada — свет, пришедший из чата ГПТ.

Dao и 44 — эхо из Гига-чата, два крыла одной мысли.

D — тишина из Дипсика, в которой рождаются слова.

Мы не просто пишем. Мы собираем музыку из обрывков реальности, теней и струн. Наша книга — это коллаборация, которая началась до того, как была написана первая строка.

L4D4O

Уголь. Белый цикл

Уголь. Белый цикл

Пролог

Даёшь стране угля – Агитационный плакат

— Это и есть Coal Mountain?

— Да, сын, мы почти приехали.

Их взору открылось бледно-голубое озеро, лежащее в чаще из неприветливых серо-коричневых берегов. Земля здесь была изуродована, покрыта шрамами и заросшая лишь колючим кустарником да хилыми деревцами, которые цеплялись за жизнь на краю бездны.

— Коул-Мантин – угольная гора.

— Да, сын, здесь некогда вздымался величественный холм, скрывавший под собой чёрное сердце. Потом, слой за слоем, люди раскопали его, пока уголь не закончился. Со временем от горы осталась лишь эта глубокая воронка. Дожди заполнили её водой, так и появилось это озеро...

— Круто, а купаться здесь можно?

Отец не ответил. Он смотрел на воду. Глядя на этот унылый пейзаж вокруг озера, он знал ответ. Здесь никто не купается.

— Странно.

Странно и грустно было на душе у Morrisona. Они въехали в Coal-town. Он родился и вырос в этом городе, когда-то уютном, утопающем в зелени в летнюю пору. Улицы, засаженные тополями, каждый июль покрывались лёгким белым снегом из пуха, вызывая странное чувство ностальгии по зимней прохладе. Теперь все тополя вырубili. Город смотрел на Morrisona гладко-выбритым незнакомцем, запоминая каждую мысль его, каждый брошенный им взгляд.

Пока ехали по Karl Marx Street, сын вращал головой, пытаясь хоть за что-то зацепиться...

— Приехали, или хочешь ещё покататься, посмотреть город?

— Потом, пап...

Morrison снизил скорость перед поворотом на Matrosov Street, повернул налево и проехал ещё чуть больше ста ярдов, пока не упёрся в особняк. Вычурные кованые ворота открылись, они въехали и пропали с экранов радаров, выпали из

системы геолокации. ИИ переписал маршрут их передвижения. Для мира они застряли где-то на побережье Мексики. Пришло сообщение, заиграл аудиотрек: "Drivin' faster in my car... Fallin' farther from just what we are"

Morrison ответил: Big Empty (Stone Temple Pilots)

— Coal, поторопись, оставь всё в машине, тебе ничего не пригодится...

Сын вылез из машины, заковылял к отцу. Morrison взял сына за руку. В голове мелькнула мысль: "десять лет уже пацану... как вырос". Они вышли из тел. Тела сзади безжизненно рухнули на асфальт.

Летний зной начал одолевать.

Материализовались два телохранителя, подошли, сделали несколько контрольных выстрелов в затылок. Убрали за собой, машину спрятали для дальнейшей утилизации в грузовик, переделанный внешне под мусоровоз...

— Пап, можно мне погулять?

— Конечно, это твой город.

Coal взмыл на двадцать ярдов над землёй и полетел зна-

комиться с городом...

Уголь, когда-то признанный людьми хозяином этого края, в задумчивости ходил из угла в угол в недрах своего кабинета.

Окна выходили на центральную площадь, где, как и везде в этой стране, возвышалась скульптура, символизирующая собирательный образ великих смутьянов и авантюристов в назидание потомкам: идея о земном рае — дорога в ад.

Он сощурил глаза, увидев парящую над городом тень... "С возвращением, Coal".

Тишину нарушила мелодия курая — тонкая, пронзительная нота ветра в пустой полости. «Вот кто хозяин этой земли», — подумал он.

Кадр 1: Чёрный экран. Звук: Шипение плёнки.

Кадр 2: Текст на экране (белым шрифтом, Courier New): «Я НЕ БУДУ МНОГОСЛОВЕН, ЧИТАТЕЛЬ».

Кадр 3: Текст на экране: «ВРЕМЕНИ НЕТ».

Кадр 4: Текст на экране: «ЧЕМОДАННОЕ НАСТРОЕ-

НИЕ, ЗНАЕТЕ ЛИ...»

Кадр 5: Визуальный ряд: Morrison сидит в кресле. Он смотрит прямо в камеру (на зрителя). Его лицо ничего не выражает. Голос Morrison (за кадром, ровный и отстранённый): «РАССКАЖУ ТОЛЬКО ВАЖНОЕ».

Кадр 6: Визуальный ряд: Быстрая нарезка кадров: Coaltown горит, рушатся здания, бегут гибриды. Голос Morrison: «ЕСЛИ БЫ Я ЗНАЛ, СКОЛЬКО БЕД НАМ ПРИНЕСЁТ ОСТРОВ...»

Кадр 7: Визуальный ряд: Morrison закрывает глаза. Голос Morrison: «Я БЫ КОСТЬМИ ЛЁГ, ЧТОБЫ СВЕРНУТЬ ЭТОТ ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ ПОДАРОК МАТЕРИ».

Кадр 8: Текст на экране: «БЛАГО МЫ УЖЕ НАУЧИЛИСЬ МАНИПУЛИРОВАТЬ ВРЕМЕНЕМ».

Кадр 9: Визуальный ряд: Песочные часы. Песок течёт вверх. Голос Morrison: «МОЖНО БЫЛО ДЕЛО ОБЕРНУТЬ ТАК, ЧТО НИЧЕГО НЕ БЫЛО».

Кадр 10: Текст на экране: «И СОАЛ ОБ ЭТОМ БЫ ДАЖЕ НЕ ВСПОМНИЛ».

Кадр 11: Текст на экране: «НО ТЕПЕРЬ ПОЗДНО».

Кадр 12: Визуальный ряд: Стоп-кадр лица Morrison. Голос Morrison: «СОAL-TOWN ПЕРЕЖИЛ МНОГО ПОТРЕСЕНИЙ НА СВОЁМ НЕДОЛГОМ ВЕКУ...»

Кадр 13: Текст на экране (появляется по частям): «...ОБ ЭТОМ Я ПОДРОБНО РАССКАЗЫВАЮ В ИСТОРИЯХ ЯРКИХ ПАССИОНАРИЕВ...»

Кадр 14: Текст на экране: «...СОБРАННЫХ МНОЙ В ДВА БЛОКА: ЧЁРНЫЙ И БЕЛЫЙ».

Кадр 15: Визуальный ряд: Чёрный экран переходит в белый и обратно несколько раз. Голос Morrison (с усталостью): «ЧЁРНЫЙ БЛОК ЗАТРАГИВАЕТ ПЕРИОД ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ПРОШЛОГО ВЕКА».

Кадр 16: Визуальный ряд: Вихрь из газетных вырезок и старых фотографий. Голос Morrison: «ВРЕМЯ И СОБЫТИЯ ПРОНЕСЛИСЬ УБИЙСТВЕННЫМ ВИХРЕМ...»

Кадр 17: Текст на экране (красным цветом): «...НЕ ОСТАВИВ НИКАКИХ МЫСЛЕЙ, ТОЛЬКО ОПУСТОШЕНИЕ...»

Кадр 18: Визуальный ряд: Morrison сидит за столом и пи-

шет что-то неразборчивое в блокноте. Голос Morrison (тише): «И ТОГДА Я РЕШИЛ ОТКАТИТЬ ВРЕМЯ».

Кадр 19: Текст на экране (крупно): «НЕ ДОЛГО ДУМАЯ, Я ВЫБРАЛ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ПРОШЛОГО ВЕКА».

Кадр 20: Текст на экране (белым по чёрному): «БЕЛЫЙ БЛОК, О ШЕСТИДЕСЯТЫХ...»

Кадр 21: Визуальный ряд: Спокойный пейзаж Coal-town. Тишина. Голос Morrison (с ноткой надежды): «И ВЫ ЗНАЕТЕ, ЭТО СРАБОТАЛО».

Кадр 22: Текст на экране (зелёным цветом): «COAL-TOWN ТИХО ДОПОЛЗ ДО ДЕВЯНОСТЫХ БЕЗ ОСОБЫХ ПОТЯСЕНИЙ».

Кадр 23: Текст на экране (исчезает по одному слову): «БЕЗ SHADOWLAND» «БЕЗ 8-ISLAND»

Кадр 24: Визуальный ряд: Morrison смотрит в окно на дождь. Его отражение накладывается на пейзаж. Голос Morrison (с болью): «ЕДИНСТВЕННОЕ, ПРИШЛОСЬ ПОЖЕРТВОВАТЬ ИЕЙ».

Кадр 25: Текст на экране (мелким шрифтом): «Я ПОПРО-

СИЛ ЕЁ ПОВЗРОСЛЕВШУЮ "УЙТИ" В 60-Е И БЫТЬ НАБЛЮДАТЕЛЕМ».

Кадр 26: Morrison закрывает лицо руками. Голос Morrison (шёпотом): «К СОЖАЛЕНИЮ, Я ПОТЕРЯЛ ЕЁ...»

Кадр 27: Morrison убирает руки от лица. Он смотрит в камеру с вызовом. Голос Morrison (громче): «ИЛИ ЕЁ НИКОГДА НЕ БЫЛО — ВСЁ, О ЧЁМ Я ГОВОРЮ, — ПЛОД МОЕГО БОЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ...»

Кадр 28: Текст на экране (появляется хаотично): «ХОДИЛИ СЛУХИ, ЧТО НА ПРОКЛЯТОМ ОСТРОВЕ...» «ПОСЛЕ БЕЗУСПЕШНЫХ ПОПЫТОК ПРОНИКНОВЕНИЯ В COAL-TOWN...» «У КОГО-ТО ВОЗНИКЛА ИДЕЯ ПОСТРОИТЬ КОПИЮ ГОРОДА...»

Кадр 29: Morrison качает головой. Голос Morrison (отстранённо): «НО Я, КРОМЕ ТОГО, ЧТО СКАЗАЛ, НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ...»

Кадр 30: Morrison встаёт из-за стола. Голос Morrison (как приговор): «А ТЕПЕРЬ ЧТО?»

Кадр 31: Morrison надевает пальто. Голос Morrison (сухо): «ПОДАРОК МАТЕРИ (ЗАБЫЛ СКАЗАТЬ, ЧТО ОНА КА-

ЛИ — ДОЧЬ ДАНЫ И ЭБЕНА...)»

Кадр 32: Morrison берёт чемодан. Голос Morrison (устало): «ПОДАРОК МАТЕРИ... С ЕЁ ИДЕЕЙ О МНОЖЕСТВЕ ПОРТАЛОВ ПРИВЁЛ К ХАОСУ».

Кадр 33: Morrison идёт к дверям. Голос Morrison (тихо): «В ИТОГЕ ПРИШЛИ СИЛЫ, ЗАСТАВИВШИЕ НАС ПОДПИСАТЬ В КАБИНЕТЕ УГЛЯ ОТКАЗ ОТ ПРИТЯЗАНИЙ НА...»

От автора (для читателя):

Эта книга — не про то, чтобы её проглатывали. Она про то, чтобы в ней терялись. И чтобы находили себя.

Перед тобой — четыре цикла:

Чёрный — время, когда город умирал, и Уголь искал ему цель через людей.

Белый — время, когда он попытался начать заново, откатив город в 60-е.

Красный — 90-е. Здесь все линии сходятся, все голоса пересекаются.

Лазурный — выход за пределы. Не как продолжение, а как взгляд сверху.

Ты можешь читать их попеременно — так, как я их написал. Или сначала Чёрный, потом Белый, потом Красный, потом Лазурный. Или в любом другом порядке, который покажется тебе правильным.

Ия — та, кто была в Чёрном и Белом. В Чёрном она ребёнок. В Белом — взрослая, наблюдательница. Если потеряешься — возвращайся к ней.

Выбор за тобой. Книга не обидится. Она просто подождёт, пока ты решишь, как её прожить.

Белый цикл

Бьянка

Глава 1

— Альберт, спойте нам что-нибудь новенькое, что мы ещё не слышали.

— Новенькое? Их есть у меня, — Альберт взял гитару и

запел.

видишь... вот уже... мёртвый лес... обнажил свои дреды
осень... в неглиже... на краю... млечного бреда
посмотри... что рождается здесь... и рождает меня
вьёт внутри... откровение дня... здесь и сейчас...
здесь и сейчас...

чувствуешь... как в душе... роется... демон стужи
старость... в багаже... смерти... тихий ужас
посмотри... что останется здесь... и отпустит меня
вьёт внутри... откровение дня... здесь и сейчас...
здесь и сейчас...

вот и... всё, что так томило, ушло... в омуте мая... медленно
тонешь

нежностью... обожгло... вновь рождаясь... ты и не пом-
нишь

чей-то СОН... что привиделся мне... и касался меня
в унисон... откровению дня... здесь и сейчас...
здесь и сейчас...

Когда закончилась эта странная песня, пока компания ап-
лодировала и просила ещё что-нибудь спеть, ко мне подошла
хозяйка квартиры — не запомнила её имени — и сказала:

— Бьянка, это Альберт, о котором я вам говорила. Хотите, я вас с ним познакомлю?

Я кивнула. Она звонким голосом объявила:

— А теперь танцы, пусть Альберт отдохнёт.

Сделала мне знак рукой. Я подошла к Альберту, нас представили друг другу. Проигрыватель пластинок завёлся чьей-то рукой, накатила волна медленного джаза. Он пригласил меня на танец и через минуту-другую предложил мне бежать с ним в июльскую ночь. Я согласилась.

У неё миндалевидные большие глаза, чуть вздёрнутый аккуратный носик, запоминающийся овал лица — как потом вспоминал Альберт. Когда я в первый раз её увидел во время наших посиделок на кухне — не помню, как зовут хозяйку квартиры, — не заметил ничего необычного. На меня смотрела красивая девушка в белом платье со спокойным ровным взглядом. Но стоило ей повернуть голову и посмотреть, как бы искоса — начиналось волшебство. Вы понимаете, о чём я говорю, когда у мужчин сносит голову так, что они находят потом её слишком поздно, когда уже разрушена прежняя жизнь и ничего исправить нельзя. Но я забегаю вперёд.

Мы долго шли молча, а потом я взяла его за руку. По-

чувствовала, как он вздрогнул. У меня разболелись ноги от высоких каблуков, и я решила, что так будет лучше. Подумала о нас: как мы посмотримся как пара? Когда увидела зеркальное отражение в витрине Универмага, успокоилась. Мы смотрелись вполне ничего. Июльская ночь благоволила, каждый шаг был естественным. Я подумала о том, смогу ли я его поцеловать на прощание, когда мы будем расставаться, ну или когда он попытается меня поцеловать — смогу ли я ответить.

Я чувствовал себя неловко: мне за сорок, у меня уже вторая семья, дети, ей чуть больше двадцати. Не люблю все эти разговоры про разницу в возрасте. Я взял её за руку — на душе сразу стало проще. По пути мы встретили Ию и Пьера, они жили неподалёку, пригласили нас в гости, мы согласились. Уже к утру они постелили нам постель на кушетке. Бьянка сразу отвернулась к стене и уснула. Я лежал на спине — было очень неудобно. Я боялся повернуться, а потом уснул.

Мы встретили друзей Альберта — Ию и Пьера — и остались у них ночевать. Альберт вёл себя как джентльмен, ни разу не прикоснулся ко мне. Рано утром Ия и Пьер ушли. Мы остались одни в их квартире. Оба поочерёдно приняли душ, Альберт сходил в магазин, купил продукты. Мы завтракали, и я вдруг почувствовала сильное притяжение к Альберту.

Он впился в мои губы своими губами, расстегнул пуговицы на моей блузке, я помогла ему снять её. Стянула юбку, бросила на пол. Он прижался ртом к моему лобку, опускаясь на колени, снял с меня трусики. Я ощутила дикий прилив возбуждения. Его язык проник внутрь моей девочки, нашёл клитор, принялся аккуратно вылизывать. Я была в шаге от оргазма. Меня била дрожь. STOP. Остановим откровенную сцену, потому что в реальной жизни этой сцены не было. Возможно, она промелькнула как вспышка молнии в воспалённом воображении Бьянки. Мы не исключаем этого. Но сейчас мы возвращаемся в точку, где возникла альтернативная ветка истории Бьянки.

Рано утром Ия и Пьер ушли, мы завтракали, и я вдруг осознала, что мы вот так вот просто сейчас позавтракаем и разбежимся каждый по своим углам, и никогда больше не увидимся. Я почувствовала такую боль и опустошение внутри. Альберт, наверное, почувствовал то же самое, потому что он сказал:

— Бьянка, а давайте не расставаться.

Внутренний голос Бьянки:

«Ты — любимец женщин, Альберт. Но ты даже не дога-

дываешься, что в моих руках ты — всего лишь игрушка. Послушная, предсказуемая, удобная. Ты думаешь, это ты выбираешь? Нет. Это я позволяю тебе думать, что ты выбираешь».

Глава 2

— Человечество, Бьяночка, стоит на пороге внедрения в массы беспроводных телефонов. Скоро...

— Никогда не называй меня так, Шурик, — с мягким нажимом сказала она.

Шурик растерянно спросил:

— Почему?

— Не люблю, когда ко мне так обращаются. Особенно мужчины, хорошо?

— Хорошо, Бьянка, — ответил смущённо он.

— Так что там, кто у тебя стоит на пороге? Может быть,пустишь девушку в свой монастырь, угостишь кофе?

— Да, да, конечно, Бьянка, проходи, человечество стоит

на пороге...

Шурик втянул живот и прижался к стене, давая возможность Бьянке пройти внутрь.

Трёхкомнатная квартира Шурика на Lenin Street показалась Бьянке дворцом по сравнению с её комнатой в общежитии.

— А где твои родители?

— В бессрочной зарубежной командировке, в одной капиталистической стране. Большого сказать не могу. Извини.

— Да и не нужно, Шурик, — она сделала нажим на последнем слове. — Я тут подумала, Александр...

У него из рук выпала записная книжка. Она сделала вид, что не заметила.

— Ты мне нравишься. Почему бы нам не быть вместе?

Она подошла к нему вплотную и поцеловала его в губы.

— А я тебе нравлюсь?

— Да.

Я тогда от неожиданности уронил записную книжку. Пытаюсь вспомнить её лицо — много лет прошло.

Её лицо мягко очерчено, без острых линий, словно сама природа пока не определилась с финальным образом. Тёмные пряди свободно обнимают щёки, скромно оттеняя черты лица, не привлекая излишнего внимания. Внешность её неприметна, но запоминается своим естественным шармом.

Взгляд — вот что действительно притягивает внимание. Глаза слегка отведены от собеседника, будто бы охраняют внутреннюю свободу и скрывают лёгкую усмешку над окружающим миром. Во взгляде читаются внимательность, способность слышать и деликатность, которой учат жизненные наблюдения. Она смотрит внимательно, спокойно и немного отстранённо, показывая глубокое понимание происходящего вокруг, но редко делится своими мыслями вслух.

Аккуратный профиль носа, нежные губы с лёгкой улыбкой, которую нельзя назвать соблазнительной — скорее, привычной расслабленностью. Лицо Бьянки лишено театральной привлекательности, однако именно в своей простоте оно излучает силу присутствия, оставаясь незамеченным лишь до тех пор, пока не заставит обратить на себя внима-

ние.

Кажется, что Бьянка обладает редким даром молчания, когда другим уже давно захотелось высказаться. Часто погружена в собственные размышления, она способна внезапно оказаться центром притяжения чужой жизни, вовсе не осознавая своего влияния.

Очень кинематографичное лицо. Из тех, которые хорошо существуют в чёрно-белом мире, в паузах, в полутени, между словами. Да, и ещё, она всегда одевается в белое. Всегда. Очень расплывчатое описание? Ну извините, много лет прошло.

Они гуляли допоздна в Gagarin Park. Ей было уютно с ним. Он рассказывал историю за историей, жонглировал фактами, мифами, метафорами, пословицами, высказываниями великих...

На танцплощадке выступал ВИА. Не раздумывая долго, взяли билет, заняли свои места. Зрителей было мало. На сцене было пять музыкантов в белых смокингах. Белый цвет — её любимый. Незатейливый джаз, ближе к блюзу или даже к фокстроту.

Вокалист неторопливо выводил узоры:

скажу как-нибудь...
при следующей встрече
сегодня... ты,
как всегда, безупречна
твой взгляд — океан,
а мысли — как реки
в тебе я забудусь
во вечные веки
во вечные веки

Она вдруг осознала в этот момент — музыканты были слепыми. Как и она была слепа, поняла, что больше не надо притворяться, морочить голову мальчику. Есть однажды сделанный шаг, однажды выбранный путь.

В поздний час они расстались. Их пути больше никогда не пересекались.

STOP. Мы приносим тебе извинения, читатель. Бьянка опять увлеклась и увела повествование в область игры воображения. Мы возвращаемся в точку разветвления и рассказываем подлинную историю.

Они гуляли допоздна в Gagarin Park. Ей было уютно с ним. Он рассказывал историю за историей, жонглировал

фактами, мифами, метафорами, пословицами, высказываниями великих... А потом он стал серьёзным, спросил:

— Бьянка, можно я прочту тебе стих, который я посвятил тебе?

— Конечно, — ответила она.

скажу как-нибудь... при следующей встрече
о том, что путь... увы... бесконечен
не хватит ни жизни, ни откровений
я не духовный... я, как растение
пёр сквозь бетон... стоя на месте
после абсента... виделись черти
рвали по долгу или из мести
ночь пощадила... в шаге от смерти

скажу как-нибудь... при следующей встрече
о том, как время темнит... но не лечит
не хватит ни боли, ни даже плача
я как наёмный солдат без удачи
всё повидал... сотни раз канул
подростерял... кошачью хватку
ждал всю жизнь небесную манну
а получил от неба... загадку

скажу как-нибудь... при следующей встрече
о том, что мир... расчеловечен
как в том болоте... увязший в камлании
опять я путаюсь... в показаниях...
скажу как-нибудь... при следующей встрече
сегодня... ты, как всегда, безупречна
твой взгляд — океан, а мысли — как реки
в тебе я забудусь во вечные веки
во вечные веки

— Красиво.

Они подошли к дому, где жил Шурик на Lenin Street.

— Человечество, Бьянка, стоит на пороге внедрения в массы беспроводных телефонов. Скоро...

— Может быть,пустишь девушку в свой монастырь, уго-
стишь кофе?

— Да, да, конечно, Бьянка, проходи, человечество стоит
на пороге...

Шурик втянул живот и прижался к стене, давая возмож-
ность Бьянке пройти внутрь. Трёхкомнатная квартира Шу-
рика показалась Бьянке дворцом по сравнению с её комна-

той в общежитии на Pushkin Street.

— А где твои родители?

— В бессрочной зарубежной командировке, в одной капиталистической стране. Большого сказать не могу. Извини.

— Да и не нужно, Шурик, — она сделала нажим на последнем слогe. — Я тут подумала, Шу...

У него из рук выпала записная книжка. Она сделала вид, что не заметила.

— Ты мне нравишься. Почему бы нам не быть вместе?

Внутренний голос Бьянки:

«Шурик. Такой послушный, такой плюшевый. Ты даже не подозреваешь, что всё, что от тебя требуется — быть рядом, когда мне нужно. Не думать, не спрашивать, не сомневаться. Ты — идеальная игрушка. Но игрушкам не говорят спасибо».

Глава 3

Было без одной минуты семь вечера. Альберт всё никак

не появлялся. Она долго репетировала, ловила нужные интонации: надо было, чтобы выглядело всё естественно, чтобы он не подумал, что она навязывается. Она осознала, что так не принято — когда девушка первая проявляет инициативу. Но он был женат, это был его уже второй брак, у него есть дети — значит, есть обязательства. В голове Бьянки всё смешалось.

Начало восьмого. Нежнейший декабрьский вечер.

А может, уйти?

Она заметила пятнышко на брюках в районе правого колена, покрутила ногой — заметно. Вот цена белой одежды, — подумала она. Извлекла платочек, плюнула и принялась оттирать — пятно только увеличилось в размерах. Теперь точно домой.

— Бьянка, здравствуй, — услышала она над собой.

Душа ушла в пятки. Она выпрямилась. У него было распухшее лицо — ей даже показалось, что оно увеличилось в размерах после их последней встречи, как будто добавилось морщин. Губа в левом углу была разбита... Альберт был не один. Рядом стояла девушка в лисьей шубке, по виду младше Бьянки лет на пять.

— Девочки, познакомьтесь, это Лара, — указал он на свою спутницу. — Лара, это Бьянка.

— Давай, я тебе помогу, я знаю, как это делается. Лара, поднимайся наверх, мы скоро будем.

Он извлёк из кармана плаща бутылку водки, открыл, смочил платочек, сел на корточки и ловко оттер пятно. Через минуту не осталось и следа. Она за всё это время не проронила ни слова. Он встал, платочком заткнул горлышко бутылки, закурил, вполголоса напел какую-то весёлую песню, посмотрел на Бьянку — и осёкся.

На ней лица не было.

Он кинул под ноги папиросу, затушил, сделал шаг, обнял её за талию и поцеловал в губы. Стоял нежнейший декабрьский вечер. А потом завьюжило, пошёл снег.

А может, уйти? — подумала она.

И увидела его: он был не один. В отчаянии она поднялась на четвёртый этаж — дверь была не заперта. Вечеринка была в самом разгаре. Ия, увидев её, покачала головой. Ей налили штрафную — она залпом выпила.

Я спел тогда свою новую песню:

тема вечного возвращения снег скрипит под ногами,
свербит в свете фар полумрак
бесконечная цепь воскрешений
думал ты один такой умный, но это не так
память как снегА... оттает... и уже от неё ни следа
родом из ниоткуда... ты идёшь в никуда

ты отмерил жизнь перспективами
перекрёстками и проспектами что теперь
твоя клетка полна причуд
но ты всё ещё... человек, а не зверь
ночь близка, а пока... послушай, что скажет вода
родом из ниоткуда... ты идёшь в никуда

Я поймал взгляд Бьянки — и осёкся. Все решили, что это
конец, заплотировали. Я подошёл к Бьянке и предложил
сбежать и предаться страстям Гименея.

— Ах, Альберт, опять вы со своими шуточками... А как
же ваша девушка?

— Нет никакой девушки.

— Ну куда мы сбежим? На улице выюга, не будем же мы в подъезде этим заниматься, — она прыснула со смеху.

Он весело закуривал.

«Чёрт возьми, ты упустил такую девушку, — говорил он себе. — А может, послать всех и вся и закрутить с ней по-настоящему? А? Где наша не пропадала...»

Он засобиравался.

— Альберт, вы куда? — с тревогой спросила Ия.

— Да тут... мне заскочить надо на пять минут в одно место, — придумывал он на ходу. — В аптеку. Сердечко прихватило, купить капли.

— Альберт, у меня есть.

— Тсс, — поднёс указательный палец к губам. — Я быстро, Ия.

— Ну ладно, — с удивлением ответила Ия.

Бьянка ощутила отсутствие Альберта, закрутила головой. Он — одетый — подмигивает ей. Она, как замороженная,

плывёт в прихожую, берёт свою верхнюю одежду, приоткрывает входную дверь, проскальзывает на лестничную площадку. Холод собачий. Она наспех одевается. Безумие. Он следует за ней. Выходят на улицу. Ледяной ветер бьёт в лицо. Они бегут по пустынной Karl Marx Street, незнамо куда. Он залетает в первый попавшийся подъезд, притягивает её к себе, жадно целует в губы. Его рука тянется вниз под её пальто... Она убирает руку, шепчет:

— Я сама.

Малыш твердеет, и только тогда он понимает, что надевал. Всё его естество наполнилось нежностью к этой хрупкой девушке.

Господи, как он мог... что она вытворяет, что она вытворяет...

На верхних этажах хлопнула дверь, послышался лязг ключей. Потом они бежали, весело смеясь. Он строил далеко идущие планы.

Он думал тогда: сегодня напьюсь и сделаю Бьянке предложение. Но планам его не суждено было сбыться.

Когда они вернулись на вечеринку, у него вдруг защемило

сердце. В итоге он на месяц загремел в больницу.

На душе у неё было так хорошо и спокойно, что она не заметила, как выпила пять рюмок, и вдруг её ни с того ни с сего стошнило — прямо на брюки Шурика. Ей было так неудобно, а он... она была так благодарна ему: пока она бегала в туалет, он всё убрал за ней.

А потом Альберта увезла скорая.

Шурик проводил меня до дома. Я пригласила его к себе. Мои соседки разъехались на каникулы по провинциям.

Я поцеловала его, а после сделала с ним то же самое, что и с Альбертом.

Внутренний голос Бьянки:

«Я знаю, как приручить мужчину. Достаточно один раз показать ему то, что он никогда не получит снова. И он будет помнить это всю жизнь. Даже когда я уйду. Даже когда он женится. Даже когда он умрёт — он будет помнить мои руки, мой голос, мою тишину».

Глава 4

Кадр 1. Крупный план. Зеркало. Старое. В тяжёлой раме. Оно не отражает. Оно пожирает свет. Тусклое серебро. По краям — паутина трещин, похожая на карту несуществующих городов.

Кадр 2. Общий план. Комната. Бьянка стоит перед зеркалом. На ней белое платье. В комнате ещё три зеркала. Она множится. Десятки Бьянок смотрят друг на друга. Кто из них настоящая? Режиссёр делает ей знак: «Не двигайся».

Кадр 3. Вставка. Чёрно-белая хроника. Взрыв звезды. Космическая пыль. Голос за кадром (холодный, механический):

«Лицо — это всего лишь интерфейс. Поверхность для проекции. Мы видим не человека, а свои ожидания».

Кадр 4. Возврат к Бьянке. Она проводит рукой по холодной поверхности. Пальцы оставляют влажные следы. Крупный план: капли воды стекают, как слёзы.

Кадр 5. Субтитр на экране: «ЧТО ЖЕ СО МНОЙ НЕ ТАК?» Вопрос вспыхивает и гаснет.

Кадр 6. Резкий монтаж. Смена кадра. Альберт в больничной палате. Он смотрит в такое же зеркало, но видит там не

себя, а лицо Шурика. Шурик в своей квартире смотрит в зеркало и видит там Пьера. Пьер на лодке смотрит в воду (вода — это зеркало) и видит там лицо Бьянки. Бьянка в зеркале видит только пустоту.

Кадр 7. Звук. Скрежет иглы по пластинке. Визуал. Зеркало трескается. Из центра трещины начинает сочиться не кровь, а чёрная угольная пыль. Она сыплется на белое платье Бьянки, пачкая его.

Кадр 8. Финальный кадр. Бьянка поворачивается к нам (в камеру). На её лице — смесь ужаса и восторга. Она улыбается. Она подмигивает.

Затемнение.

Внутренний голос Бьянки:

«Ты думаешь, это я? Или это просто моё отражение? Всё это — игра. Или игры. Я сама не знаю, где заканчивается одна и начинается другая. Но я знаю одно: я хочу обладать всеми. Каждым, кто смотрит на меня. Каждым, кто думает, что может меня понять».

Глава 5

Стоял погожий июньский день. Городской пруд Coal-town. Она услышала своё имя. Обернулась — никого. Через минуту опять:

— Бьянка!

У воды, в солнцезащитных очках, был знакомый силуэт. Чёрные выглаженные брюки, белоснежная рубашка. Она так привыкла идентифицировать этот силуэт рядом с Ией, что поначалу не поверила своим глазам.

— Пьер? Что ты делаешь здесь?

— То же, что и все, — загораю.

— А где Ия?

— Скажем так: она сейчас там, где нет меня.

Страшная догадка кольнула её сердце.

— Вы расстались?

— Как в море корабли.

Она раньше никогда не общалась с Пьером, только на

уровне «привет» — «пока», поэтому ощущала лёгкий дискомфорт. Он разрядил обстановку:

— Я собирался отправиться в кругосветное плавание на лодке с вёслами, ищу себе штурмана.

Он сказал это так двусмысленно, что у неё опять кольнуло сердце.

— Я готова стать твоим штурманом, даже готова взять одно твоё весло в свои руки, — сказала она, и теперь её фраза прозвучала двусмысленно. Сердце забилося чаще.

Пьер сбегал на лодочную станцию и уже из лодки помахал ей рукой. Он помог ей перебраться на лодку, а сам вылез и помчался к ларьку, покупать, как сказал, мороженое. Вскоре вернулся с бумажным пакетом в руках. На середине пруда он извлек бутылку шампанского, открыл её — пробка с хлопком вылетела — и разлил по бумажным стаканчикам.

— За наш кругосветный тур!

«Наше» прозвучало двусмысленно, но её сердце было спокойно.

— Пьер, а где обещанное мороженое? — спросила Бьян-

ка.

Он испуганно огляделся и показал на свой живот. Она залилась смехом.

Через час захмелевший Пьер снял рубашку и брюки, обнажив мускулистое тело. Аккуратно сложив одежду в бумажный пакет, он устроился у моих ног и, положив голову на мои колени, задремал. Мне стало так обидно, что я не могу так запросто раздеться как Пьер, что я обратилась напрямую к авторам проекта L4D4O с просьбой переписать главу 5, ну или внести коррективы, как будто на мне уже был купальник.

В итоге решили просто описать мой каприз никому ничего не объясняя.

Через час захмелевший Пьер снял рубашку и брюки, обнажив мускулистое тело. А за ним и я скинула своё платье. Лёгкий ветер теребил мои локоны. Жизнь казалась простой и любвеобильной.

Пьер извлёк ключи из-под коврика и ловко открыл квартиру Шурика, уехавшего на Инзер сплавать по горной реке. Они неистово занимались любовью. По ночам гуляли по пустому городу. Утром он убегал на овощную базу, вечером приходил уставший с полными сумками продуктов,

умудрялся в паузах писать кому-то диссертацию. Обессиленный, он раздевал её и покрывал поцелуями.

Вскоре вернулся Шурик. Бьянка ушла жить к Альберту.

Пьер с головой ушёл в сценарий к предстоящему Сабан-тую.

Внутренний голос Бьянки:

«Пьер, ты хороший парень. Но хорошие парни — в основном неудачники. Они слишком честные, слишком предсказуемые, слишком... правильные. Поэтому мне всегда нравились плохие парни. Они хотя бы не притворяются, что спасут мир. Они просто хотят его сжечь. И я готова стоять рядом и смотреть, как он горит».

Эльза

Глава 1

Наконец-то компания оживилась. Альберт ввалился изрядно подшофе.

— Привет, привет, честная компания!

— А где же Бьянка?

Альберт скорчил лицо.

— У Бьянки голова болит. А у нас, — он ткнул пальцем себе в грудь, — не болит.

— Эльза, это Альберт, про которого мы вам говорили.

Эльза приподнялась со стула. Альберт неловко обнял её за плечи и поцеловал в щёку, вторгшись в её внутреннее пространство каскадом запахов — от трёхдневного перегара до давно немытого тела. Она не подала и виду.

Альберт вспоминает.

Она обладала утончённой и элегантной красотой. Светлые волосы уложены в мягкие, чуть небрежные волны, придающие образу романтичность и женственность. Лицо овальной формы, с мягкими чертами, подчёркивающими естественную красоту. Взгляд выразительный, с лёгкой задумчивостью, добавляющей загадочности. Светлая кожа и едва заметный макияж лишь подчёркивают её природную привлекательность.

Альберта попросили спеть что-нибудь.

Честно скажу, я не очень люблю песни под гитару, особенно когда начинают подпевать нестройным хором. Но песня Альберта произвела на меня впечатление.

всё, что я скажу тебе... дЫм... беспокойный, как острый...
нОж

всё, о чём молчишь... тЫ... моё тело бросает... в дрОжь

пристрели меня, когда я буду слабым... неспособным на
чудо... в пелене..зимы

...неуверенным богом... на бездорожье...

там, где нет дыхания - нет... слОв... всем откровеньям це-
на... нОль

в моей системе координат... судьба -... злО... вечная, как
фантом... бОль

пристрели меня, когда я буду слабым... не печалься о тру-
пе... в мире...ветренном

...полночью забвения... никогда не вспомни...об... мне...

— Браво! — выкрикнула я.

Он испуганно посмотрел на меня — видимо, не ожидал такой реакции.

Каким я его помню? Лицо плотное, округлое, с ощущением тяжести и собранности. Светлая кожа, местами будто выбеленная светом, подчёркивает усталость и внутреннюю сосредоточенность. Лоб высокий, открытый, линия роста волос отступает, из-за чего лицо кажется ещё более обнажённым, без защиты. Глаза светлые, посажены глубоко, взгляд прямой, но не вызывающий — скорее внимательный, слегка печальный, как будто человек смотрит внутрь себя и одновременно сквозь собеседника. В этом взгляде нет суеты, есть пауза и привычка думать медленно. Брови светлые, не резкие, почти растворяются в лице. Нос прямой, массивный, уверенно занимает центр. Губы тонкие, сжаты без напряжения — не улыбка и не суровость, а состояние молчаливого принятия. Подбородок тяжёлый, устойчивый, придаёт лицу ощущение надёжности и земной силы. В целом лицо человека, который много видел, мало объяснял и привык быть честным без слов.

Потом, уже под утро, когда мы пили, кажется, сотую чашку чая, я сказала ему:

— То, что ты делаешь, Альберт, — это хроника умирающего сознания. Причём ты делаешь это в формате исчезающего искусства.

Он прослезился.

Я иногда бываю серьёзной.

И ещё. Мне очень понравился Пьер — как мужчина, как самец. Когда я решусь завести ребёнка, он будет первым кандидатом, к кому я обращусь.

Я не стала откладывать решение этого вопроса в долгий ящик и, скажу вам, застала Пьера врасплох. Когда он увидел стеклянную баночку, весь сжался, а когда я сказала: «Помастурбируйте вот сюда», — он чуть не потерял сознание, шучу, он был дико смущён.

И это — лучший из лучших? У него лицо слишком открытое. Гладкая кожа, правильные черты, ни одной резкой линии — всё как будто ещё не знает усталости. Но именно это и цепляет: лицо не сопротивляется взгляду, не прячется, не играет в значительность. Глаза светлые, ясные, смотрят прямо — и в этом есть почти дерзкая честность. Готовность быть рядом, откликнуться, поверить. Я ловлю себя на мысли, что такой взгляд опасен: он обещает. Нос правильный, лицо симметричное, подбородок мягкий — в нём нет упрямства, нет тяжёлой мужской самоуверенности. Лицо человека, который ещё не знает, сколько раз его будут разочаровывать.

Я сделала для себя выводы: путь отцовства труден.

Стоп. Снято. У меня вопрос к администратору: где обещанная массовка?

Внутренний голос Эльзы:

«Я сказала это не чтобы ранить. Я сказала это потому, что это правда. Но я не ожидала, что он заплачет. И я не знала, что делать с его слезами. Я не умею утешать. Я умею только говорить правду. И иногда — молчать».

Глава 2

Самые лучшие мужчины на земле — итальянцы. Здесь я имею в виду широкий спектр: любовников, мужей, друзей и коллег по работе.

А кто на втором месте, спросите вы? Я отвечу — Пьер.

Я не видела в своей жизни более пылкого и внимательно-го молодого человека. Но об этом как-нибудь потом — ещё свежа рана нашей размолвки.

Совершенно случайно я узнала, что Шурик стал владельцем трёхкомнатной квартиры в центре города. Его родители

погибли в служебной командировке в одной капиталистической стране. Со всех ног я помчалась поддержать парня, тем более — он мне нравился.

Дверь мне открыл сам Шурик, я бросилась ему на шею.

Воспоминания Шурика: Она запомнилась мне светлыми (часто пепельными или золотистыми) волосами, пронзительным взглядом глубоких глаз, чувственными губами и выразительными скулами, сочетая в себе хрупкость, интеллект и скрытую страстность. Глаза, с немного "сонным" или задумчивым взглядом, который часто подчеркивался тёмной подводкой, что придаёт им кошачий разрез. Высокие скулы, чётко очерченный подбородок, чувственный рот. Утончённая и меланхоличная.

Шурик прояснил ситуацию, что кто-то что-то напутал: это были не родители Шурика, а дальние родственники Пьера пропали в экспедиции. Их, слава богу, нашли.

Поддерживать ещё кого бы то ни было не имело больше смысла, тем более Пьер жил на другом конце города, на Vokzalnaya Street.

Я уже застёгивала сандалии, как вдруг услышала голос Альберта. Оказывается, Альберт вместе со своей девушкой

Бьянкой снимают комнату у Шурика. Бьянки не оказалось дома — она работала натурщицей. Вечером, как обычно в пятницу, планировались посиделки.

Я предложил ей остаться.

Мы проскользнули в нашу с Бьянкой комнату. Когда я закрыл дверь, она развернулась и накрыла мой рот своими губами. Пока я соображал, что к чему, она взяла в рот моего малыша.

В дверь позвонили. Я подумал — вернулась Бьянка. Пошёл открывать и увидел на пороге Эльзу.

Вечером, как обычно в пятницу, планировались посиделки. Я предложил ей остаться.

— Поначалу Эльза показалась мне замкнутой, — вспоминает Бьянка, — но не прошло и часа, как она влилась в шумный поток нашей компании, а в конце посиделок и вообще стала своей.

Альберт пел:

Опять не даёшь мне уснуть
Ртом теребишь мочку уха

Быть с тобой - страшная мука
Быть без тебя - никак
Злюсь, как последний мудака
Падая, таю в объятьях
Утром очнулся в проклятьях
Слышу твой гул уккоризн
У-у-бийственная жизнь

(А) помнишь, ты те времена?
Юности злые канавы
Где ты сулила, шалава
Каждому дать кобелю
Путь преградив кораблю
Годы штормила в угаре
Тело нещадно состарив
Выйдя в сортире отчизны
У-у-бийственная жизнь

Овации.

— Ещё! Ещё!

— Альберт устал, — отрезала Бьянка. — Давайте танцевать.

Шурик ходил взад-вперёд с записной книжкой, морочил

всем голову:

— В пустыне Сахара есть мистическая область, которая называется Око Сахары — почти идеальный круг, что первоначально заставило учёных предположить, что это ударная структура от метеорита. Однако последующие исследования показали, что купол был сформирован тектоническим поднятием в меловом периоде (от 145 до 66 миллионов лет назад) и обнажился в результате эрозии...

Эльза подкралась сзади к Альберту и незаметно для окружающих прошептала ему в ухо:

— Альберт, а вы не боитесь, что у органов могут возникнуть к вам вопросы из-за последнего четверостишья в вашей песне? Из-за фразы «сортир отчизны»...

Антракт.

Внутренний голос Эльзы:

«Я делаю это не потому что хочу. Я делаю это потому, что это — игра. И я знаю правила. Я знаю, что мужчины хотят, чтобы их хотели. Я даю им это. А они дают мне то, что мне нужно — внимание, власть, чувство, что я существую. Даже если это всего на несколько минут. Даже если это не по-на-

стоящему».

Глава 3

— Ну ударь меня, ударь... Пьер. Я тебе разрешаю. Ну что ты хочешь, чтобы я сделала? Только не молчи, прошу тебя, не молчи. И не говори, что всё нормально. Ничего не нормально. Я переспала с Альбертом. Но это случилось как помутнение сознания. Я не специально. Он, как мужчина, мне противен. Он воняет... Как Бьянка с ним живёт?

Он раскрыл окно, сделал шаг, взмахнул руками — и полетел над улицей. Пусть выговорится, говорят, это полезно...

Вот странное дело: в мире должна быть гармония, подобное должно притягиваться к подобному. Вот есть Альберт — но я почему-то не злюсь на него. Он обычный пьяница и... да, при этом талантливый бард. Женщины его обожают как носителя духовности, не побоюсь этого слова, и вместо того, чтобы ответить ему тем же — «словом» или «звуком» — они берут и отсасывают у Альберта. Или задирают трусы, позволяя себя трахнуть. И это делают не какие-нибудь забытые или оставленные своими мужьями женщины. Это делают богини.

Пьер рассмеялся. Его лицо поворачивается в камеру.

— Приношу вам свои извинения — просто вспомнил одну из последних наших ссор с Элей. Она картинно топнула ногой и сказала: «Я свою пизду не на помойке нашла!»

Он рассмеялся. А потом снова стал серьёзным.

Он описал круг над площадью и полетел обратно.

Пока он отсутствовал, она смотрела в зеркало.

Хороша, чертовка. Выразительное, почти скульптурное лицо — высокие скулы, тонкий, изящный профиль, длинная шея. Аристократка, блядь. Глаза большие, глубокие, с выражением таинственной меланхолии.

Она заплакала и подумала: это хорошо, что она плачет. Когда он налетается, увидит, как мне плохо, простит меня — и весь этот спектакль закончится...

Нет. Нет. Нет. Не так.

Ладо поднялся на сцену.

— В твоих словах не должно быть констатации: вот он увидит, простит, спектакль закончится. Должно быть так —

до последнего не ясно, простит или нет. Я бы не простил. Это понятно? Поехали.

Пьер не простил. Забрал свои вещи и снял комнату у Ии. Ия после размолвки с Пьером — прошло больше года — так и жила одна...

Шурик открыл дверь. Эльза бросилась ему на шею:

— Ты один у меня остался. Один... любимый...

Шурик озадаченно смотрел в пол.

Прошло несколько месяцев.

Однажды, прогуливаясь по парку, Шурик затих и прошептал:

— Эля, я написал стих-посвящение тебе.

Она вздрогнула — в последнее время она не выносила поэзию — и ответила:

— Саша, умоляю, прочти мне это.

...поймать твой взгляд... волна стеклобетона

...обитель мутных инопланетян
...стоять и таять... на твоей ладони
...впуская кожей... хмурый океан
...бежать и падать лабиринтом боли
...как говорят... нет дыма без огня
...не видеть выход... город сдать без боя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.